

«НЕОБХОДИМА ОПОРА НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ ЭЛИТУ»

БЕСЕДА С ЧЛЕНОМ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ВГУ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ ООО «ИНВЕСТИЦИОННАЯ
ПАЛАТА», ДЕПУТАТОМ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ
АНАТОЛИЕМ ШМЫГАЛЁВЫМ

Анатолий Петрович, я знаю, что у Вас за плечами учёба в двух воронежских вузах (политехе и ВГУ). Каким был уровень образования в этих учебных заведениях в сравнении?

– На мой взгляд, эти образования по разным причинам сравнивать не следует. Дневное обучение на радиотехническом факультете политехнического института научило меня системному техническому взгляду в разработке радиоэлектронных изделий и в тех дисциплинах, где присутствуют цифры, графики, структурирование. Мне пришлось многое нагонять, потому что большая часть студентов уже глубоко владели теорией и практикой в области радиотехники.

Образование в годы моего студенчества было там на самом высоком уровне, начиная с первого курса. Нам еще преподавали люди, которые прошли войну. Они были разные – и по характеру, и по судьбе. Математику, к примеру, мне преподавал немец Фредерик Озясович Порпер, основу теории цепей читал семидесятилетний Зиновий Моисеевич Каневский. Объединяла же этих разных людей любовь к точным наукам и радиоэлектронике.

Если в теории вероятности я находил абсолютную красоту, то в экономике все казалось мне более расплывчатым, социальным и не настолько технологичным. Однако тонкости этой науки меня заинтересовали и я пошел получать второе высшее образование. Самого высокого уровня преподаватели – Лилия Тимофеевна Гиляровская, Людмила Николаевна Лихачева, Людмила Петровна Пидоймо – давали широкий взгляд на экономическую теорию, на профильные предметы, бухгалтерию, управление производством. Но, повторюсь, сравнивать техническое и экономическое образования, думаю, не стоит.

– Хорошо. Тогда спрошу так: в Вашей семье трое детей. Какое образование для них Вы видите? Не только в смысле выбора направления деятельности, но и места обучения.

– Я не могу за них решать. Мы с женой поняли это на примере старшей дочери Жени. Мы рекомендовали ей поступать на новый факультет биотехнологии, только что открывшийся в МГУ. Казалось бы, совершенно новое направление, современное, перспективное... Но она там год отлично отучилась и поняла, что это не ее. И ушла в Высшую школу экономики. Сейчас она изучает там бизнес-информатику, которая ей очень нравится.

Ей ближе оказалась высшая математика, логические задачи. Собственно, как и у меня было в свое время, когда я ушел из военного училища и поступил на радиотехнический факультет политеха. А потом уже понял, что мне ближе экономика... Вот и выходит, что мы не в силах определять того, что нужно детям. Необходимо, чтобы они сами этот выбор сделали... Жене легко и комфортно, она получает удовольствие от учебы, а на третьем курсе начала работать в компании, занимающейся блокчейном.

– А вторая дочь – София?

– София выбрала психологический факультет Высшей школы экономики. И понравится ей там учиться или нет, это она сама позже поймет, вряд ли наше вмешательство сможет повлиять на ее решение.

– Но все-таки это опять Москва?

– При всех достоинствах наших вузов уровень преподавания, перспектив, технологий, информатизации в Москве, конечно, выше. Хочется детям предоставить бóльшие возможности выбора.

В Воронежском университете сейчас делают многое, но мы – догоняющие. Так же, кстати, как и в медицине. Многие получают квалифицированную медицинскую помощь в Москве. А по большому

Анатолий Шмыгалёв с женой –
доцентом ВГУ Марией Табачниковой и
актером Камерного театра
Камилом Тукаевым
(фото «Коммерсант»)

спектру направлений уровень медицины еще выше в Германии, в Израиле, потому что там больше опыта, практики, туда стекаются деньги, новые технологии, исследования, потому что там есть новейшее оборудование, потому что там есть серьезные испытания. Это объективно.

Перед поступлением мы с Женей съездили к моей знакомой, которая окончила психологический факультет МГУ и работает в Йельском университете. По контракту она не может быть уволена, а в ее лаборатории, где заморожены ДНК нескольких тысяч человек и работает порядка 20 сотрудников, проводятся уникальные эксперименты. Не знаю, где у нас есть такие исследования.

– Университеты на Западе – это не столько учебные заведения, сколько крупнейшие научные центры.

– Согласен, но подобный статус им обеспечивают огромные финансовые ресурсы. К сожалению, такого глубокого внимания высшей школе, какое было в СССР, по разным причинам не уделяется. Поэтому научные разработки, которые есть в вузах, остаются не реализованными на практике, не имеют развития, и технологическая отсталость пока очевидна.

ВГУ – не исключение. Но в нашем университете есть замечательные специалисты, которые рожают уникальные идеи – к примеру, сильные позиции в физике, математике, теоретических науках позволяют вузу преодолевать отставание и развиваться.

Несколько лет назад создали эндаумент-фонд, который (я согласен с ректором Дмитрием Александровичем Ендовицким) рано или поздно должен заработать. Но сделать его масштабным проектом, наверное, позволит иной подход к реализации: по-

иск выпускников, создание единой базы данных, обеспечение близкого и тесного взаимодействия с этими выпускниками.

Не по принципу «ой, как интересно, оказывается, наш выпускник там-то работает», а давать задания группам активных студентов разных факультетов по формированию этой базы. Для решения данной задачи надо разработать в ВГУ программное обеспечение или купить готовое, позволяющее хорошо систематизировать массивы информации. И после наполнения базы (через социальную нагрузку, через выполнение студентами заданий, например, в ходе отработки практики) обеспечить поиск всех выпускников, распределив их по годам выпуска и факультетам, для внесения данных о них в информационную базу, чтобы общаться, контактировать, приглашать на мероприятия.

И возглавить группу по развитию эндаумент-фонда должен сильный организатор. Потому что на базе вот таких эндаумент-фондов (в том числе) держатся лаборатории, в которых работает моя знакомая из Йельского университета. Там как происходит? За рубежом благотворители как лично, так и через возглавляемые компании обеспечивают наполнение эндаумент-фондов, к примеру, фонд Swarthmore college (город Суортмор, штат Пенсильвания, США) – до 10 миллиардов долларов. Поэтому эндаумент-фонд – это мощный драйвер движения в экономическом и социальном развитии университета.

Сейчас я через депутатов Государственной думы выношу закон, который позволит вносить средства в эндаумент-фонды фактически вместе с тем налогом, который должен был бы перечисляться в бюджет. Таким образом, туда можно будет направ-

На заседании областной думы

вить бóльшую сумму – дополнительно до 20 процентов, а это очень важно и для университета, и для предприятий, оказывающих вузам поддержку.

Воронежский университет имеет обширную базу студентов, работающих в различных сферах экономики, и это прекрасная платформа для развития эндаумент-фонда.

– Мы плавно перешли к вопросу о ВГУ. Вы определили сегодняшний уровень его развития как достаточно высокий, но несравнимый с московским. Тому есть разные причины. Но нет ли среди них, на Ваш взгляд, каких-то ошибок в стратегии и тактике планирования развития сегодняшнего университета?

– Я могу оценивать процессы в ВГУ только со стороны. И здесь надо задать вопрос: «А судьи кто?» Я не являюсь тем стейкхолдером, который действительно может глубоко вникнуть и оценить процессы, происходящие в университете.

Мне очень нравятся энергия, с которой ректор Дмитрий Александрович Ендовицкий сейчас работает, его желание привлекать к решению проблем все креативные силы, которыми в данное время располагает вуз, давать возможность развиваться, расти университетским людям.

Есть все нужные кадры – с высокой степенью креативности, способные современно мыслить и продвигать университет, но, на мой взгляд, не хватает объединительного движения. В университете есть молодой ректор, который является таким индивидуальным мощным двигателем, и разрозненная интеллектуальная элита, не стянутая к центру и находящаяся на орбите. А центрирующее движение, которое могло бы создать воронку завихрения, чтобы университет вытащил себя из

нее и вырвался вперед, сейчас не видим. Сильное ядро внутри (ректор) и разрозненные ядрышки (интеллектуальная элита), неспособные пробиться к основному ядру для того, чтобы произошла яркая энергетическая реакция.

– В Воронежской области подобную энергетическую реакцию призвано осуществить гражданское собрание «Лидер», участником которого Вы являетесь?

– Прежде чем ответить на этот вопрос, надо несколько слов сказать о той системе, которую в области сформировал для себя Алексей Васильевич Гордеев, прежний наш губернатор. Эта система – блоковая: блок бизнеса, блок административных центров (главы районов), блоки профсоюзов, общественных организаций, религиозных, политических и экономических центров. И внешний блок, т.е. Москва.

«Лидер» в этом раскладе занимает блок экономического развития. Губернатором была поставлена задача – делать силами воронежских компаний, в том числе компаний – членов «Лидера», всё, что мы можем реализовать, и обеспечить поддержку бизнеса в регионе. А если мы самостоятельно какие-то проекты реализовать не можем, то привозим их из других регионов, возможно Москвы, тем самым обеспечивая крупное инвестирование в экономику области.

– Гражданское собрание предполагает некую консолидацию, некую аналогию с гражданским обществом. Однако то, что делает бизнес-элита, объединенная в «Лидере», никак не связано с тем, существует или не существует гражданское общество в Воронеже.

– Бизнес – одна из составных частей гражданского общества, и поэтому если у вас есть задачи, которые вы хотите решить и в которых власть может

Анатолий Шмыгалёв с участниками областного молодежного образовательного форума «Молгород-2018»

вас поддержать, потому что это соответствует интересам региона и не противоречит законодательству, то с помощью «Лидера», с помощью каких-то управленческих структур они могут быть реализованы быстрее и эффективнее. Мы помогаем вам развиваться: осваивайте новые направления, привозите новые технологии, идеи, разработки, свежие силы и деньги – инвестируйте! Мы готовы административно сопровождать и поддерживать проекты любого воронежского бизнеса, и гражданское собрание «Лидер» – проводник этих идей на региональном уровне.

О гражданском же обществе как таковом речь в данном случае не идет. Потому что в «Лидере» собраны достаточно разные люди. И у всех нас – и у меня в том числе – свои потребности, свои представления о жизни, свои интересы. Поэтому мы – просто инициативные бизнес-люди...

– ...которые готовы участвовать в благотворительности.

Благотворительность – это вообще отдельная тема. Она складывалась – и в России, и за рубежом – сотнями лет. Когда общество обеспечено, когда граждане его обеспечены, когда они уже сами наелись, только тогда они начинают заниматься благотворительностью. Или когда понимают, что жизнь конечна и они в этом мире могут что-то сделать не только для себя.

Например, Стэнфордский университет был основан железнодорожным магнатом, сенатором и бывшим губернатором Калифорнии Леландом Стэнфордом и его женой Джейн. Назван университет в честь их единственного сына Леланда-младшего, не дожившего до 16-летия. И вот его отец-магнат сказал после этого своей супруге: «Теперь дети Калифорнии

будут нашими детьми». Правда, потом и государство стало поддерживать вуз своими действиями...

То есть рано или поздно, но бизнес сам должен дозреть до благотворительности, сознанием своим дозреть. А вот говорить, давайте, мол, соберемся в гражданское собрание «Лидер» и станем заниматься благотворительностью, нельзя, это не цель. И к этому надо спокойно относиться, потому что до этого каждый должен дойти сам.

Вот почему «Лидер» никакая не благотворительная организация. Да, члены гражданского собрания «Лидер» выделяют много средств и через различные процедуры направляют на социальные проекты. Но это объединение предпринимателей, заинтересованных в развитии всего региона.

– В связи со сменой руководителя региона такая идеология «Лидера» остается актуальной? Вы будете продолжать работать по сложившейся схеме?

– Я уверен, что работа в этом формате принесет еще массу пользы экономике и гражданскому обществу Воронежской области.

– Еще одна грань Вашей деятельности – строительство. В связи с этим у меня вопрос: как Вы относитесь к архитектурно-строительной практике, которая разворачивается сегодня в центре города? Как Вы вообще оцениваете характер строительства в центре Воронежа? Можно ли этому как-то противостоять или не надо и всё нормально...

– Я не считаю, что всё нормально. Но ведь у каждого из нас своё представление о норме. И если я, к примеру, рассматривал бы центр города максимум десятиэтажным и приблизительно в одинаковом стиле построенным, то у кого-то совершенно другие представления о том, что считать лучшим.

Мы можем высказывать личное мнение. Но давайте помнить, что против той же Эйфелевой башни в своё время высказывались многие и многие хотели её снести. Среди протестующих были и Дюма-сын, и Мопассан, и композитор Шарль Гуно. Мопассан вообще стал обедать в ресторане на первом уровне башни, а на вопрос, зачем он это делает, если башня ему не по душе, отвечал: «Это единственное место во всём огромном Париже, откуда её не видно»... А сегодня Эйфелева башня – символ Парижа.

Как мы знаем, сколько людей, столько и мнений. Идеала в городской архитектуре мы не добьёмся, надо учиться и использовать мировой опыт хорошо развитых и впереди движущихся урбанистических образований.

Но мы помним: весь мир проходил этот период. В той же Германии стеклянные коробки стоят рядом

с классическими зданиями XVIII–XIX веков. Это некрасиво, они явно выбиваются. Но с этим ничего не сделаешь: у каждого архитектора есть свой этап изменения облика города – в лучшую или худшую сторону, а скорее всего, в ту и в другую сразу. В зависимости от своего эстетического чувства он делает больше либо хорошего, либо плохого.

– **Часто встречаю Вас с супругой на премьерах, выставках, на различных фестивалях. Есть ли какие-то культурные события, которые Вас в последнее время особо порадовали, оставили в душе какой-то эмоциональный след?**

– Я с детства люблю театр. Мы с Марией Брониславовной, ещё будучи неженатыми, по два раза в день ходили в Москве в театр. Театр для меня – лучшее времяпрепровождение. Из последних премьер выделил бы оперу «Дон Жуан», поставленную Бычковым в Театре оперы и балета, спектакли «Каренин», «Гроза» в Камерном театре.

– **А как Вы считаете: ВГУ включён в культурную орбиту города? И можно ли что-то еще сделать в этом направлении?**

– Конечно, включён! Но, увы, я редко встречаю руководителей высшего звена университета на культурных мероприятиях, на том же Платоновском фестивале. Всё понимаю: мало времени, но, наверное, дело в потребности каждого отдельно взятого человека получить какие-то знания, эмоции от участия в данных событиях, увидеть что-то новое в эстетическом плане. Наверное, многие этого не осознают.

Университет является центром идейного, культурного вдохновения и воспитания молодежи, и он должен таким оставаться даже в условиях финансовой необеспеченности, участвуя во всех культурных мероприятиях Воронежа.

Кстати, в июле, посетив оперу Джакомо Пуччини «Богема» в Большом театре, мы случайно пересеклись и с четой Гордеевых, и с ректором Высшей школы экономики Ярославом Кузьминовым с его супругой, председателем Центрального банка России Эльвирой Набиуллиной. Не думаю, что у людей такого уровня много свободного времени, но, значит, есть потребность получить эстетическое удовольствие от прикосновения к искусству. Мне это говорит о том, что интеллектуальный уровень данных людей и их понимание культуры намного выше, чем у ряда других представителей власти.

– **Университет, потенциал которого Вы так высоко оцениваете, имеет сегодня один из самых низких уровней зарплаты в городе. Как, на Ваш взгляд, можно ли решить эту проблему иначе, нежели очередным сокращением преподавателей и сотрудников?**

А.П. Шмыгалёв в Книжном клубе «Петровский» делится секретами успеха с участниками Клуба молодых предпринимателей. 2014 год

– Этот вопрос упирается в одну и ту же глобальную проблему: нужны ли обществу сегодня грамотные и интеллигентные профессионалы. В университете есть люди, потенциал которых огромен: профессор Карпачев или профессор Глухова. Надо обеспечить большие возможности для передачи опыта и знаний специалистов такого уровня с целью формирования и воспитания будущих поколений профессионалов – преподавателей. А изменение доходов преподавателей, насколько мне известно, это прерогатива федерального центра.

– **В Вашу компанию приходят выпускники ВГУ. Как Вы оцениваете уровень их подготовки?**

– Нахожу его достаточно высоким. В ВГУ дают хорошие знания, но, конечно, все зависит больше от молодых людей. Не только вузы влияют на них, но и политика «телевизора», фильмы, относящиеся к массовой культуре, а также зачастую интернет – всё это не развивает у молодежи стремления к получению знаний, к тому, чтобы становиться профессионалами. Самоустранение молодежи от желания получать знания и уход от саморазвития приводят к тому, что процент высококачественных интеллектуально-профессиональных специалистов, выходящих из вузов, снижается.

Хотя могу сказать, что Мария Брониславовна, как преподаватель, доктор экономических наук, ежедневно общаясь со студентами, высоко оценивает многих из них, но, к сожалению, часто они находят работу уже вне пределов Воронежской области: в Москве, Санкт-Петербурге, даже за рубежом. Поэтому нам работать с молодыми кадрами сложнее, но я верю в ВГУ.

Беседовала Тамара Дьякова